

Радь Эльза Анисовна

СОТВОРЕНИЕ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В "СТИХАХ К СЫНУ" М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматривается, как индивидуально-авторское сознание М. И. Цветаевой в цикле стихотворений, адресованных сыну, моделирует сюжет возможной судьбы. Сюжетность лирического произведения как художественная реальность отражает рефлексию лирической героини, а поток ее сознания оценивает события биографического прошлого и настоящего, пытается предсказать будущее. Смысловыми нитями переплетаются в тексте история семьи, история России, мифология, мировая и русская культура, что представлено в образной системе произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 176-178. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается, как индивидуально-авторское сознание М. И. Цветаевой в цикле стихотворений, адресованных сыну, моделирует сюжет возможной судьбы. Сюжетность лирического произведения как художественная реальность отражает рефлексию лирической героини, а поток ее сознания оценивает события биографического прошлого и настоящего, пытается предсказать будущее. Смысловыми нитями переплетаются в тексте история семьи, история России, мифология, мировая и русская культура, что представлено в образной системе произведения.

Ключевые слова и фразы: Цветаева; история семьи; история России; смысловые координаты; моделирование; память; мотив возвращения.

Радь Эльза Анисовна, к. филол. н., доцент

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

elza_rad@mail.ru

СОТВОРЕНИЕ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В «СТИХАХ К СЫНУ» М. И. ЦВЕТАЕВОЙ[©]

История Отечества и биография М. И. Цветаевой неразрывно друг с другом связаны. Отвергая свой век, Цветаева оказалась неотделимой от него, от своего народа и своей страны. Время, в которое жила Цветаева, полно трагизма и трагического мироощущения, расколото и антитетично. Антитетичность связана как с временем до и после, так и с восприятием мира самого сознания поэта. Будучи в эмиграции, в 1932 году М. И. Цветаева пишет цикл «Стихи к сыну», в структурно-образной системе которого переплелось вечное и историческое. Образный строй художественного текста выступает способом экспликации подтекстовых смыслов, тонкими нитями связывающими историю семьи, историю России, мифологию, мировую и русскую культуры, – смыслов, присутствующих в произведении имплицитно, переплетенных с мифопоэтическими сюжетами, образами и мотивами. Их уровни и стали предметом нашего рассмотрения.

В интертекстуальном пространстве «Стихов к сыну», как, впрочем, и в любом другом цветаевском произведении, создана собственная история культуры, ибо поэтический текст вообще – моделирующее образование, не отражающее, а творящее свою реальность. В лирическом произведении с фактически отсутствующим в общепринятом смысле сюжетом авторское сознание моделирует реальность, порождает (сознательно и/или бессознательно) собственные поэтические смыслы, основанные на усвоенном с детства и накопленном народом опыте мировосприятия. «Стихи к сыну» продиктованы глубокой внутренней потребностью воссоединиться с Родиной, вернуть Родину сыну, стремящемуся в Советскую Россию, воспринимающему ее вслед за сестрой Ариадной страной-идеалом. Как отмечает В. А. Маслова, М. И. Цветаева, не принявшая революцию и видевшая в ней гибель России, часто говорила, что родина всегда с ней, внутри нее [3, с. 60]. А в анкете журнала «Своими путями» (Прага, 1925, № 8-9) написала: «Россия не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет ее лишь вместе с жизнью» [4, с. 368].

Намеченный в желаниях лирической героини *мотив возвращения* на родину сопрягается в цикле с *сюжетом о блудном сыне*, отправные точки которого – смысловые координаты – позволяют нам индивидуально-авторские имплицитивы обнажить и интерпретировать.

К архетипическому сюжету отсылает название произведения; через адресата и адресанта-автора прослеживается мотив «отцы – дети», конфликт поколений, намеченный и реализованный в биографии самой М. И. Цветаевой через отношения с родиной и собственными детьми (в дневнике 16-летнего Мура признание «Когда я жил в Париже, я был откровенным коммунистом... <...> Мать... живет своей жизнью» [2, с. 478] свидетельствует о внутренней разьединенности матери и сына); образы пространства (*земля своя/чужая, родина/чужбина, Эдем/Содом*), образ движения (*назад/вперед*), образ времени, рассеченного на *ваш/наш век, день, час*.

Мотив блудного сына шире – сюжет о блудном сыне является важным концептом культуры, многократно повторяющимся в мировой литературе. В произведении Цветаевой архетипический сюжет выражает как универсальное философское содержание, так и индивидуально-личностное, обнажающее душевную боль поэта. Спектр переживаний лирической героини связан с сыном, уже в раннем возрасте не принимающим «буржуазную» Францию благодаря влиянию отца – Сергея Яковлевича Эфрона. Сама она, в свою очередь, не принявшая новую Россию/СССР, но духовно единая с Россией/Русью, – блудная дочь своего *отечества*. Мотив блудной дочери актуализируется в образе героини, нацеленной на возвращение к *отечеству*, воссоединение с ним. В цветаевском тексте конвенциональное, каноническое значение архетипического сюжета о блудном сыне деформируется, его структура претерпевает трансформацию и диссоциацию, сохраняя его суть и программу развития. Трансформированность сюжета особенно ярко выражена через линию сына, который родился не в России, а в Чехии в 1925 году. М. И. Цветаева наполняет личностными смыслами сущностные реалии Бытия. В обращении к сыну, рожденному на чужбине, слова матери усиливают смысловую

доминанту мотива блудного сына: «Ее – дитя (*родины – Э. Р.*)», «глаза, глядящие на Русь» «Езжай, мой сын, в свою страну...», «езжай, мой сын, домой вперед...».

М. И. Цветаева создает свой *миф о матери и сыне* – матери, сомневающейся, но благословляющей сына на странствие и обретение и надеющейся на его счастье. Имплицитное присутствие эпической схемы «уход – странствие – возвращение – обретение» свидетельствует о порождении новой модификации архетипического сюжета. Мотив «отцы – дети» реализуется в любви к отечеству, в устремленности к единению с ним. Каждая строка проникнута душевной болью за оторванность свою и сыновнюю от родины. «Стихи» передают крик сердца дочери и матери в одном лице.

Цветаевский миф о матери и сыне содержит в своей основе, как зерно, известный миф (о блудном сыне), но строится по законам мифотворчества поэта. Миф о матери и сыне сопрягается с мифом о человеке, стремящемся обрести потерянную когда-то гармонию.

В евангельской притче – сыновнее своеволие; у Цветаевой – материнская «воля волевая». Лирическая героиня противопоставляет миру свою волю – волю художественно творить иную реальность. И. В. Кудрова поясняет: «Воля как усилие, как мощное желание и превозможение» [Там же, с. 332]. Мощное желание сотворения нового перерастет в качественно новое состояние семьи: в 1939 году М. Цветаева с сыном вернется на родину, в СССР.

В центре структурно-художественной системы произведения – не сын («Руси не видывавшее Дитя»), творящий собственную биографию, а мать, вершащая судьбу сына, дающая импульс для создания сыновней собственной биографии (в евангельской притче о блудном сыне сын творит собственную биографию, проявляя своеволие, а образ отца, смиренного и всепрощающего, оказывается в центре внимания автора-Бога лишь в конце повествования). В обращении к сыну пространственно-временные координаты раздвинуты до космогонических, вселенских:

Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих [6, с. 289].

Это призыв писать Повесть своей жизни в стране «без-нас», на родине «всем краям наоборот!».

Библейский миф о блудном сыне, к которому отсылают читательские ассоциации, как инвариант задает смысловые и хромотопические координаты. Пространство цветаевского произведения конкретно, содержание его беспредельно широко. Библейская топика в «Стихах к сыну» укрепляет нас в подобной интерпретации и усиливает философское содержание цикла.

Образ родной страны в восприятии лирической героини разный, часто кардинально противоположный. С одной стороны, Русь, дооктябрьская Россия, страна «отцов», которую не знает сын, – названная Эдемом; с другой стороны, Россия сегодняшняя, тоже неизвестная («на-Марс – страна»), тревожащая мать («Призывное: СССР, – Не менее во тьме небес Призывное, чем: SOS» [Там же]). В мифопоэтической традиции образ Эдема сопряжен с мотивом греха, конфликтностью и несогласием (вспомним Адама и Еву). Конфликт отцов и детей у Цветаевой реализован на уровне отношений родины/отчизны и ее детей и на уровне противопоставления разных поколений; мир воспринимается лирической героиней через многочисленные оппозиции:

Наша совесть – не ваша совесть!

Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час,
Наш грех, наш крест, наш спор, наш –
Гнев.

Наша ссора – не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань
Дней своих [Там же, с. 289-290].

Эдему противопоставлен Содом, символизирующий образ чужбины, богоотступничество и греховность. Для Цветаевой и читателя возникает образ Лотовой жены, пренебрегшей приказом ангелов не оборачиваться и превратившейся в соляной столб. Цветаева, ассоциируя себя с остолбеневшей Лотовой женой, тем самым обособляет себя от мужа и детей, стремящихся быстрее покинуть Францию.

Соляное семейство Лота –
Вот семейственный ваш альбом!
Дети! Сами сводите счета
С выдаваемым за Содом –
Градом [Там же, с. 289].

Однако миф о спасении праведного Лота и его дочерей, покинувших греховный Содом, в биографии Цветаевой обернется противоположным вариантом. В реальности Эдем окажется Содомом: в Советской России будут арестованы муж и дочь, в 1941 году расстреляют Сергея Эфрона и уйдет из жизни сама М. И. Цветаева, совершив, по мнению И. Кребель [1, с. 431], поступок мысли. В 1944 году погибнет сын. Но в 1932 году М. Цветаева такого исхода знать не могла, поэтому судьбу своего сына определяла так, моделируя ее в своем сознании:

Кем будешь – Бог один...
Не будешь кем – порукой –
Я, что в тебя – всю Русь
Вкачала – как насосом!
Бог видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом
Страны своей [6, с. 291].

Тоска по дому и трагическая сила одиночества влекут ее в дальний путь. Однако и на родине поэта ждет одиночество, неизбежность которого объясняется особым внутренним состоянием. Цветаева в 30-е годы напишет: «Поэт, где бы он ни был, всегда внутренне эмигрант» [5, с. 60]. Внутреннее одиночество поэтического сознания и определяет пожизненное трагическое существование человека.

Таким образом, цикл М. И. Цветаевой «Стихи к сыну» выявляет глубокие смыслообразы, смоделированные индивидуально-авторским сознанием, опирающимся на культурную память (как личностную, так и сверхличностную), отражающим историю своей семьи и создавшим новую реальность.

Список литературы

1. **Кребель И.** Мифопоэтика Серебряного века: опыт топологической рефлексии. СПб.: Алетейя, 2010.
2. **Кудрова И.** Путь комет. Путь к России. СПб., 2007. Т. 2.
3. **Маслова В. А.** Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2004.
4. **Цветаева М. И.** Из ответа на анкету журнала «Своими путями» (1925) // Цветаева М. И. Об искусстве. М.: Искусство, 1991.
5. **Цветаева М. И.** Поэт и время // Цветаева М. И. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 54-71.
6. **Цветаева М. И.** Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 1.

NEW REALITY CREATION IN “POEMS TO THE SON” BY M. I. TSVETAEVA

Rad' El'za Anisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
elza_rad@mail.ru

It is considered in the article, how M. I. Tsvetaeva's individual-authorial consciousness models possible fate plot in the poems cycle addressed to the son. The lyric work plot presence as artistic reality reproduces the lyrical heroine's reflection, and her consciousness flow assesses the events of the biographical past and present, tries to predict the future. The family history, Russia history, mythology, the world and Russian cultures are interweaving as sense threads in the text that is presented in the work figurative system.

Key words and phrases: Tsvetaeva; family history; Russia history; sense coordinates; modelling; memory; return motif.

УДК 81'1

Филологические науки

Статья освещает различные подходы отечественных и зарубежных ученых к проблеме когнитивного анализа фразеологизмов и паремий, который получил широкое распространение в современной лингвистике. Особое внимание автор акцентирует на работах А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского, В. Н. Телия. В статье автор выделяет обобщенные параметры, которые могут быть положены в основание когнитивной процедуры исследования идиом и паремий.

Ключевые слова и фразы: когнитивный анализ; фразеологизм; идиома; паремия; концептуализация; инференция; когнитивная метафора; фреймовая семантика.

Самарина Варвара Сергеевна, к. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
Kornienko82@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К КОГНИТИВНОМУ АНАЛИЗУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ[©]

Когнитивный подход к анализу фразеологизмов в последнее десятилетие получил как теоретическое обоснование в работах отечественных и зарубежных учёных, так и практическое применение в научных статьях и диссертационных исследованиях отечественных лингвистов.

В данной статье проводится краткий обзор состояния когнитивных исследований фразеологизмов с целью определения наиболее полной схемы анализа идиом и паремий в когнитивном аспекте.